

Всероссийская мануфактурная выставка 1833 года глазами журналистов того времени

М. М. Фокин

Читатель, видимо, обратил внимание, что в названии этой статьи нет слова «третья». Действительно, газеты того времени затруднялись определить (если я могу так сказать) «порядковый номер» той выставки. Хотя еще 26 апреля 1832 года Указом Сената на май 1833 года была назначена третья Выставка, подобно выставкам 1829 года и 1831 года, на основании Правил 1828 года. Выставка 1831 года прошла в Москве, поэтому о ней подобает писать историкам Москвы. Прием экспонатов на выставку 1833 года был назначен с 1 февраля по 15 апреля 1833 года. По этому поводу «Журнал мануфактур и торговли» (1832 г., № 10) писал: «Публике уже известно, что выставки не назначены исключительно для одних великолеп-

ных, блестящих и к роскоши служащих вещей, но что и самые простые, для обыкновенного употребления в общезнании нужные вещи имеют на оных также место, особенно когда с добротой их соединена умеренность цен. Так и на сей Выставке самые простые полшелковые материи и богатые парчи, солдатское сукно и роскошные шалевые ткани, простая глиняная посуда и фарфоровые, искусно позлащенные вазы будут равно обращать внимание, каждое по своему достоинству».

Однако «Северная Пчела», учитывая, видимо, только петербургские выставки, в № 95 от 1 мая 1833 года уведомила читателей: «Через несколько дней откроется вторая публичная в Петербурге Выставка отечественных мануфактурных

изделий». «С.-Петербургские ведомости», впервые упомянувшие выставку в № 106 от 9 мая (когда они уведомили публику, что выставка откроется не 9-го, а 11-го), называли ее просто «Выставка». Однако до 9 мая «Пчела» успела уделить выставке много внимания, так что вернемся пока к этой газете.

В уже упомянутой статье автор заранее выражает уверенность, что выставка во всех отношениях превзойдет выставку 1829 года. В связи с выставкой 1829 года «Пчела» писала, что было бы хорошо в выставочной зале поместить портрет или бюст покойного министра внутренних дел О. П. Козодавлева. То же самое она написала и 2 мая 1833 года, в № 96. Автор был уверен, что «...потомство, даже и самое

позднее, будет помнить твои услуги отечеству...» Сказать ли, что он ошибался?

4 мая 1833 года «Пчела» опубликовала Правила для посетителей Выставки. Среди этих правил хочется отметить следующее.

Во-первых, сроки выставки – с 9 мая по 1 июня (реально, конечно, все было не так, но об этом речь впереди) и то, что опять вторник и пятница были намечены для посещения по билетам, а остальные дни бесплатно.

Во-вторых: «...люди в неприличном виде, а равно и малолетние дети, допускаемы быть не могут».

И, наконец, самое, на мой взгляд, интересное: «Дозволяется каждому записывать свои мнения о выставленных изделиях в особо открытую для сего книгу, находящуюся в присутственной комнате, но не иначе как в скромных и благопристойных выражениях (то есть, значит, без мата. – М. Ф.), с подписью своего имени».

Если бы добраться до упомянутой книги, какую интересную возможно было бы написать статью о выставке!

9 мая, до открытия выставки для публики, ее посетил государь со своей семьей. О том событии написали в один день, 13 мая, «Коммерческая газета» (№ 57) и «Пчела» (№ 105). «Пчела», как всегда, выражалась цветисто: «Посещение сие было не быстрый взгляд на собранные здесь изделия, а подробное, внимательное, основательное рассмотрение всех предметов, от самых огромных и ценных до самых мелких... Государь император изволил говорить со всеми находившимися при изделиях своих производителями...» «Санкт-Петербургские ведомости» коснулись этого события позже, 8 июня (№ 132), опубликовав отрывок из некоего партикулярного письма от 25 мая. Была целая переписка, которая каким-то путем попала корреспондентам всех рассмотренных мною газет – они все напечатали отрывки из нее. Так вот что в нем сказано о посещении выставки императором: «Прежде, нежели получено было официальное известие, по частной корреспонденции мы узнали, что общее желание исполнилось... Один писал, что слышал от царя ласковое слово, другой, что произведения его удостоились

благоклонного отзыва, третий, что государыня благоволила назначить вещи для Себя...»

«Коммерческая газета» поместила информацию о посещении выставки государем в одной статье с информацией об открытии выставки для публики. В той статье газета поместила перечень отделов по залам, перечислила новые предметы, представленные на выставке. «Пчела» и «Санкт-Петербургские ведомости» посвятили открытию выставки отдельные статьи. «Санкт-Петербургские ведомости» написали об этом 13 мая в сдвоенном номере 109 и 110 (написали, по моему, языком «Северной Пчелы»): «...открыта Выставка Российских мануфактурных изделий, с толиким нетерпением ожидаемая, и превосходящая самые отважные ожидания. Мы на сей раз, по краткости времени, не можем еще войти ни в какое подробное описание предметов, свидетельствующих о блистательных успехах нашей отечественной промышленности в продолжение последних четырех лет; но ограничиваемся признанием, что богатство и изящество вещей, коими украшены залы Выставки, представляют зрелище столь же великолепное, сколько и восхитительное для сердца истинного патриота». «Пчела» написала об открытии выставки 15 мая в № 106. Она обошлась без цветистых выражений (сказала лишь: «Стечение посетителей было несметное»). Как и «Коммерческая газета», она по-деловому перечислила отделы выставки и новые предметы (представленные на выставке впервые). Зато очень ярко «Пчела» написала (№ 108, 17 мая) об обеде, который 13 мая Государь дал для всех участников выставки (экспонентов). Она поместила отрывок из одного (уже упомянутого мною) якобы партикулярного письма в Москву. В нем говорится, что 13 мая Государь пригласил всех экспонентов к обеду в Зимнем дворце. Кроме них на обеде присутствовали министры, некоторые генерал-адъютанты, иностранные консулы, петербургское купечество первых двух гильдий, члены Коммерческого и Мануфактурного Советов – итого стол был сервирован на 505 приборов. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили тот же отрывок в № 114

от 18 мая. «Коммерческая газета» в № 60 от 20 мая тоже опубликовала отрывок из этого письма в Москву. Вот несколько фраз из этого текста: «Государь Император был нашим первым гостем», «А что сказали бы вы, любезнейшие друзья, когда узнали, что не только Государь Император был у нас в гостях, но что и мы удостоились неслыханным счастьем быть в гостях у Него, сидеть за Царскою трапезою...», «...я по торговым делам... довольно рыскал по белому свету... но нигде не слышал я о пиршестве, подобном тому, на котором сподобился и я занять... место». По мнению автора письма, тень Петра Великого присутствовала на этом обеде, радовалась, и именно она внушила Николаю I мысль возгласить перед завершением обеда тост: «За здравие трудящихся в пользу Отечества!» Автор письма уверен, что в ответ экспоненты выставки хотели крикнуть «ура», но не посмели. «Санкт-Петербургские ведомости» в № 132 от 8 июня, как я уже упоминал, тоже опубликовали это письмо. Его автор очень интересно рассказывает, как встретили участники выставки известие о том, что назначен этот обед.

Все газеты, писавшие об открытии выставки, упомянули молебен. Но только «Пчела» отметила (№ 111, 20 мая), что певчими были студенты Технологического института: «...будущие фабриканты, заводчики, мастера провозглашали от искренних отроческих сердец многолетие своему августейшему благодетелю». Вот где истоки Академического хора Технологического института, так знакомого и бывшим студентам, и просто любителям хорового пения!

В том же № 111 (а также в № 112, 114 и 115) «Пчела» давала описание выставки.

Вход, конечно, был оформлен красиво. Широкая лестница была убрана экзотическими растениями в кадках. У входа на экспозицию виселись две статуи славянских воинов, изготовленные для украшения Нарвских триумфальных ворот (напомню, они были открыты в 1834 году).

Сразу у входа, то есть в первой зале, справа были изделия студентов Технологического института (разные инструменты). Слева были металлические изделия: тут же пуш-

ки, ружья, сабли и шпаги, тут же и медные самовары. Далее – машины. Газета приводила цитату из современного тогда (и модного) автора И. А. Крылова (правда, несколько неточно):

*...От удивленья,
Поверись ли,
не станет ни уменья
Пересказать всего, ни сил!*

Несколько позже «Пчела» опубликовала и стихотворение графа Хвостова о самой выставке. Отрывок из него я в свое время приведу.

Далее газета описывала химические продукты (при этом замечала, что раньше их приходилось импортировать за большие деньги), кареты Иохима, канаты Казалета и пиво Ноя Казалета, изделия Императорских фарфорового и стеклянного заводов, потом и частных заводов (в частности, Мальцова) и многое другое.

Говоря об экспозиции тканей и шерсти, газета отметила, что Иваново и Шуя – это русский Манчестер. Впрочем, желание находить какие-то аналогии на Западе было широко распространено у нас и до того, и после того (и, кажется, существует и сейчас). «Коммерческая газета» в № 71 от 15 июня называла братьев Гучковых русскими Терно. Кстати, Иваново и Шую эта газета тоже упоминала (№ 77 от 29 июня). Упоминала она в том же номере и братьев Прохоровых, и нашего петербургского Битепажа. О нем говорилось, что его: «...ситцы, кисеи и фулары... отличались как живостью и прочностью красок, так и красотой и разнообразием рисунков...» Та же газета упоминала Охтенскую фабрику гр. Комаровского. В № 70 от 13 июня она пишет, что эта фабрика: «...имела и на Выставке первенство тонкостью и разнообразием своих суконов».

Конечно, было уделено внимание и Императорской шпалерной мануфактуре: «Упомянуть ли о прекрасных коврах и о единственном портрете императрицы Екатерины II, истканых на Императорской шпалерной мануфактуре...», – пишет «Пчела» в № 112 от 23 мая.

Если касательно I Выставки газеты отмечали ненужное подражание Западу в расцветках шелковых тканей, то по поводу шелков, вы-

ставленных в 1833 году, «Северная Пчела» (№ 157, 15 июля) упрекнула шелковых фабрикантов за «чужеземное попугайство» в названиях изделий: «...муслин де суа, муслин сатине, материя Эрнестин, поплин фасонне, газ перле, газ пальмерин, пелузин, паризин, сатен милре».

В последней зале выставки было представлено полное собрание медалей и монет, выбитых в царствование императора Николая I (между тем, как мы знаем сейчас, царствование было еще впереди).

Если на XIV выставке (в 1870 году) был представлен целый музей русских древностей, то в 1833 году был (как писала газета) только один экспонат, никак не характеризовавший достигнутый уровень экономического развития. «Пчела» в № 115 от 26 мая писала о нем так: «В сенях, посреди отделений Выставки, находится предмет, не принадлежащий к оной, но выставленный напоказ любопытствующей публике: единственный в мире памятник времен Чингис-Хана, открытый в Сибири Спасским и истолкованный Академиком Шмитом». Как именно он выглядел, газета не писала. Видимо, сведения об этом есть в какой-либо газете или журнале, которые издавала Академия наук. Этот интересный вопрос придется отложить на будущее.

На выставке 1870 года большой интерес и публики, и газет вызывали комнаты для отдыха государя во время его посещений выставки. На выставке 1833 года тоже в выставочном помещении были три комнаты для отдыха императрицы. «Эти комнаты могут назваться букетом из обширного цветника нынешней Выставки». Устройством этих комнат занимался камергер И. П. Мятлев, более известный как поэт-юморист, автор поэмы про мадам Курдюкову.

31 мая выставка закрылась. 3 июня (№ 66) «Коммерческая газета», подводя итог, оценила выставку так: «Выставка мануфактурных произведений, в течение девятнадцати дней составлявшая неисчерпаемый источник разговоров во всех концах... столицы, во всех состояниях ее жителей...» Она говорила о тысячах посетителей, «...притекавших на оную обозреть дары нашей мануфактурной промышленности...», и делала справедливый вывод, что

влияние выставки не может ограничиться тем временем, когда она была открыта, что роль выставки определяется тем, что выставка – это отчет производителей перед потребителями и одновременно знакомство производителей с потребностями рынка, а у потребителей – «рассеяние предрассудков против отечественных изделий».

Для «Северной Пчелы», как известно, главное – вопрос патриотизма. 1 июня (№ 120) она написала: «Закрылась Выставка; закрылась со всеми своими достоинствами и недостатками: остались воспоминания, замечания, критические придирики... После Выставки, кроме воспоминаний и замечаний, осталось еще нечто превосходнейшее... заронилось зерно патриотизма глубже в душу каждого...» Однако не забывала она и прозу жизни. В следующем, 121 номере (2 июня) она извещает читателей, что Комитет выставки по случаю ее закрытия приглашает купивших вещи забрать их 2-го, 3-го или 5-го июня. Напомню в связи с этим, что по правилам выставки любой экспонат разрешалось купить (цена каждого экспоната была проставлена), но забрать купленное разрешалось только после закрытия выставки.

Газеты писали о выставке еще долго после ее закрытия. Так, «Пчела» поместила несколько интересных статей в середине июля. В № 154 от 12 июля говорится: «Поговорим еще о Выставке мануфактурных изделий, бывшей нынешнего года в Санкт-Петербурге: a good story can not be too often told». Вот так – патриотизм патриотизмом, но иностранная пословица приведена в оригинале: интересную историю можно повторять часто. И что еще интересно: хотя тогда в образованном обществе господствовал французский язык, пословица приведена английская.

Подводя итог прошедшей выставки, статья высказала мысль, что «Выставка дает способ судить, что мы уже умеем, чему еще учимся и чему должны учиться...»

Все упомянутые мною газеты, конечно, поместили списки награжденных экспонентов. Я опять назову лишь некоторых, имена которых и по сей день на слуху.

Большими золотыми медалями были награждены Мальцов – за

хрусталь, Молво – за сахар, Берд – за металлическое литье (обратите внимание – в предыдущей выставке Берд почему-то не участвовал, и все этому удивлялись), Казалет – за канаты.

За сахар также были награждены малыми золотыми медалями – Штиглиц (он – еще и за шерсть) и братья Жадимировские.

Из числа награжденных большой серебряной медалью я хотел бы упомянуть скульптора Трискорни (за малахитовые вазы), а из награжденных малой серебряной медалью – Плюшара (за его типографию).

На этой выставке впервые была употреблена такая награда, как дарование производителю права употреблять государственный герб на своей вывеске и на клейме, которое он ставил на свою продукцию. В последнем номере «Журнала мануфактур и торговли» за 1832 год было как раз опубликовано объявление Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, запретившее самовольное употребление государственного герба на вывесках и клеймах. Право употреблять герб по результатам выставки получили мануфактура Е. Ф. Комаровского и табачный фабрикант Фалер.

Это тот самый Фалер, который впоследствии был конку-

рентом Жукова. Вспомним роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Когда Арина Петровна назначила Степке-Балбесу условия его дальнейшего проживания в Головлевке, она положила ему на месяц фунт табаку Фалера, и Степка отметил, что маменька сэкономила – фунт Фалера стоил на 10 копеек дешевле, чем фунт Жукова. Замечу, к слову, – удивительно, что сам Жуков в выставке не участвовал. По крайней мере, газеты его в связи с выставкой никак не отмечают, хотя это имя тогда уже было известно. Так, «Пчела» в № 135 от 19 июня, рассказывая о некоем крестьянине-химике Прокофий Плигине (его главным делом был сургуч), говорила, что Плигин, кроме того, стал помаленьку торговать американским табаком «...подобно известному Василию Жукову».

На этой выставке была и такая интересная награда – признание достойными присужденных по прежним выставкам наград. Из награжденных я упомяну только Г. Гамбса.

Была также публичная похвала и денежные премии. Не упоминая никого из награжденных, я сразу перейду к последнему разряду наград, который так и был обозначен в газетах – особые награды. Это

ордена, медали на орденских лентах, звания. Известный заводчик Всеволожский был награжден орденом Св. Станислава II ст. Не менее известные братья Гучковы – званием мануфактур-советников. Далее шел список экспонентов, награжденных золотыми и серебряными медалями на Владимирской и на Аннинской лентах. Председатель выставочного комитета граф Мусин-Пушкин был награжден орденом Св. Владимира II степени. Были награждены и члены Комитета. Уже упомянутый Мятлев – чином статского советника.

Выставка, конечно, получила отзывы и в специальной литературе, и в художественном творчестве. Не претендуя сделать обзор, я, в завершение своей статьи, приведу отрывок из стихотворения Дмитрия Ивановича Хвостова (на мой взгляд, поэта не такого плохого, как о нем принято говорить), опубликованного в «Пчеле», в № 162 от 21 июля:

*Пускай иных земель
животные, древа,
И камень, и металл,
солома и трава;
Но гений, дух и ум свои,
а не чужие;
Соземцев дорогих
то руки золотые
Творили...*

Источники:

- Журнал мануфактур и торговли. 1832. № 10, 12.
Северная Пчела. № 95, 1 мая 1833 г.; № 96, 2 мая; № 98, 4 мая; № 105, 13 мая; № 106, 15 мая; № 108, 17 мая; № 111, 20 мая; № 112, 23 мая; № 114, 25 мая; № 115, 26 мая; № 120, 1 июня; № 121, 2 июня; № 135, 19 июня; № 154, 12 июля; № 157, 15 июля; № 162, 21 июля.
Санкт-Петербургские ведомости. № 106, 9 мая; № 109–110, 13 мая; № 114, 18 мая; № 132, 8 июня;
Коммерческая газета. № 57, 13 мая; № 60, 20 мая; № 70, 13 июня; № 71, 15 июня; № 77, 29 июня; № 66, 3 июня.

